

История одной семьи

(Публикуется с сокращениями)

Кто хоть однажды был гостем Одессы, не мог не посетить гордость одесситов, Приморский бульвар. Он — часть истории города, истории тех, кто жил в Одессе. Если стать лицом к морю, справа — здание Городской Думы, слева — Воронцовский дворец. В центре бульвара гостей, поднимающихся по Потемкинской лестнице, гостеприимным жестом встречает первый одесский градоначальник и херсонский военный губернатор герцог де Ришелье. На почетном месте напротив Думы застыл бронзовый Пушкин.

О бульваре можно написать многотомную историю, но у меня другая задача: встреча с героем, судьбы которого коснулась история города, история бульвара. До революции бульвар назывался Николаевским. После революции его переименовали в бульвар имени Фельдмана. Константин Фельдман был революционером, принимал участие в восстании на броненосце "Потемкин". Я это название уже не застал, знаю о нем только по рассказам старых одесситов. Еще до войны бульвар вновь переименовали. Разве допустимо было, чтобы знаменитый бульвар носил имя какого-то еврея, пусть даже и революционера?

Утесов в своей книге "Спасибо, сердце!" по этому поводу вспоминает анекдот.

Человек садится на извозчика.

— Куды ехать?

— Бульвар Фельдмана.

— Куды?

— Бульвар Фельдмана.

— Какого Хвельдмана?

— Ну, Николаевский бульвар.

— Н-нооо! Вот уже двадцать пять годов по Одессе ездию, а не знал, что Николая була фамилия Хвельдман...

Мой собеседник родился после тех далеких событий, когда броненосец "Потемкин" вышел на рейд и произвел несколько выстрелов по городу, но именно из его уст я впервые услышал подробности этой бомбардировки. Признаться, первое знакомство здесь, в Мельбурне, с Юлием

Фельдманом не вызвало у меня никаких ассоциаций, связанных с городом, где я родился и прожил большую часть жизни. Как же я удивился, узнав, что Юлий — родственник Константина Фельдмана, в честь которого был назван городской бульвар!

До встречи с Юлием я узнал, что ему 82 года, что его непростая жизнь полна приключений. В моем воображении возникал образ старого человека, ровесника революционных потрясений в России. А познакомился я с молодежьим, стройным, энергичным человеком. Чувство юмора, доброжелательность, прекрасная память характеризовали рассказ о жизни, о друзьях, об удивительных встречах. Мы часто очень мало знаем о своих дедах-прадедах, о близких родственниках. Юлий Фельдман провел кропотливую поисково-исследовательскую работу, собирая сведения о своих предках. Я разглядывал его огромную личную библиотеку, старые пожелтевшие документы, письма, фотографии. Многие реликвии, бережно собранные в личном архиве, могли бы украсить любой исторический музей. Старинная гравюра городского вида Одессы, изготовленная в Лондоне в 1878 году, фотографии его прадедов, дедов, фото интерьеров дома прадеда, дело царской охранки 1905 года, возбужденное против его отца-революционера.

И еще об одном ощущении от общения с супругами Фельдман мне хотелось бы сказать. Лысец может притвориться искренним, скупой — добрым, но невозможно притвориться интеллигентом. Принадлежность Сандры и Юлия к интеллигенции сказывалась во всем: в образе мыслей, в воспитании, в отношениях с людьми, в поведении. На мой вопрос: "Что вы считаете главным в людях?", Юлий ответил: "Открытость, честность, умение удивляться". И по этим принципам живет он сам. Вероятно, читатель уже достаточно заинтригован. Пора переходить к делу, ибо жанр "Мельбурнских встреч" — интервью. Я предоставляю слово Юлию Фельдману.

— Без учителей не бывает учеников, без корней не вырастает дерево. Наши учителя, наши корни — это наши предки. Юлий, я знаю, Вы пишете книгу "История семьи". Расскажите немного об этом, пожалуйста.

— Мой отец был старшим сыном в семье. У него было еще два брата. Мой дед, Илья Фельдман, — потомственный купец. Его отец, Яков Фельдман, стал купцом после Крымской войны. Его предки, по моим данным, приехали из Могилева в первой половине XIX века. Они сразу поняли, что такое "очень свободная" экономическая зона.

Прадед начал жизнь в Одессе, построив для своей семьи дом. Город в те го-

ды стремительно развивался. Этому способствовало все: близость моря, климат, плодородные земли и, наконец, введение "порто-франко". Построив свой первый дом, Яков Фельдман занялся строительством. Воспитанный в ортодоксальной еврейской семье, он получил высшее образование, увлекся языками. Знал французский и английский. Изучению английского способствовали исторические события того времени. Шла Крымская война, Одессу блокировала с моря англо-французская эскадра. Один из английских кораблей "Тигр", подойдя близко к городу, обстреливал Одессу, но, не зная фарватера, сел на мель. Команда была взята в плен, с судна сняли все орудия. Одно из них и сегодня стоит на бульваре. Внизу, на постаменте, высечена надпись: "Эта пушка больше никогда не будет стрелять по городу". Одеситам все это хорошо известно. Многие из пленных офицеров поселились на квартирах, свободно разгуливали по городу. Один из них подружился с моим прадедом, бывал у него в доме. Вот когда Яков мог совершенствовать свой английский!

После окончания войны Яков Фельдман отправляется в Англию. Теперь его черед гостить у английского друга. Его знакомят с промышленниками. Так Фельдман становится одним из крупных купцов на одесском рынке. Занимается меценатством. За заслуги перед городом ему присвоили звание "Почетный гражданин Одессы". Женился он рано, в 16 лет, на девушке из богатой еврейской семьи. Ее отец занимался торговлей тканями. Ежегодно Яков выезжал в Англию, Францию, Германию, закупал товары и привозил их в Одессу. Появилась необходимость в собственном магазине, и вот он получает в городской Думе разрешение на строительство дома, на первом этаже которого располагает магазин.

У прадеда родилось двенадцать детей — шесть мальчиков и шесть девочек. Прадед был религиозным человеком, соблюдал кашрут. Старший его сын, брат моего деда, стал инженером, был одним из сподвижников Морозовых, принимал активное участие в строительстве уральских заводов. Дослужился до звания статского советника.

Мой дед продолжил дело своего отца, тоже был купцом. У него родилось трое сыновей. Старший из них, Марк, мой отец, родился в 1886 году, затем родился Михаил, потом Семен.

— Юлий, что Вам известно о Константине Фельдмане, в честь которого после революции был переименован бульвар?

— Константин Фельдман, как известно, был "командирован" на восставший броненосец партией. Кстати, любопытный факт: роль Фельдмана в фильме Сергея Эйзенштейна "Броненосец "Потемкин" исполнял... Константин Фельдман.

В революционную деятельность Константин вовлек и моего отца. В конце 1905 года партийная ячейка поручает отцу изготовить бомбу. Он занимался этим в подвале семейного дома. Устройство взорвалось у него в руке, оторвав часть кисти и три пальца. Взрыв раздался ночью. Вызвали доктора, а вместе с ним появились полицейские. Отца схватили, и окровавленный стол стал вещественным доказательством на суде. В 1905 г. в Одессе вводят военное положение. Марка Фельдмана судит военный трибунал. После суда отца отправили в Шлиссельбургскую крепость, а оттуда — этапом на каторгу, в Сибирь. В 1990 году я разыскал в Москве, в архивах, дело моего отца. Копию его вы держите в руках. Отец трижды подавал прошение о помиловании — и трижды получал отказ.

Отбыв на каторге 2 года и 8 месяцев, он получил разрешение на свободное поселение в пределах Сибири. Человек он был образованный, знал английский, французский, немецкий, итальянский языки, и устроился на работу в Русско-Азиатский банк. К 300-летию дома Романовых была объявлена амнистия. Но Марк Фельдман, как политический ссыльный, амнистии не подлежал. В банке он успешно работает, и его направляют в пограничный с Китаем город Кяхту менеджером в местное отделение. Этот небольшой городок во многом определил его судьбу. Там отец познакомился со своей будущей женой.

— Вероятно, к этому времени Марк Фельдман разобрался в своих политических пристрастиях?

— Расскажу по порядку. Началась гражданская война, и руководство банка поручило отцу вывезти ценные бумаги в Китай. Нелегально, через Монголию, пустыню Гоби, он вывез документы в Харбин. Во время его отъезда, в 1919 году, в Кяхте родился я. Отец в Китае принял участие в открытии отделения банка от Советской России. В 1922 году мы с мамой приехали к нему в Шанхай. Затем отца перевели на работу в представительство Центросоюза в Шанхае. Год 1933-й, мне 14 лет. Вечером отец вернулся с работы. Вид у него необычный, чувствую — что-то случилось. Он долго говорил о чем-то с мамой, затем позвал меня и сказал: "Мне приказано вернуться в Россию. Мы с мамой свою жизнь прожили, а для тебя она только начинается, поэтому тебе и решать вопрос о нашем возвращении". Я несколько растерялся. Почему мне, мальчику, нужно принимать столь ответственное решение? И тогда отец произнес: "Я только одно скажу тебе. К власти пришел Сталин. Он очень большая сволочь". Это решило нашу судьбу. В 1933 году мы стали невозвращенцами.

— А что произошло с родителями отца?

— Они эмигрировали во Францию. В свой первый отпуск в Китае папа решил посетить Францию, встретиться с родителями, которых он не видел с 1906 года. Родители предполагали там остаться, я уже поступил во французскую школу, но тут Европу парализовала Большая Депрессия. Работу найти было невозможно, и отец решил вернуться в Шанхай.

— Чем занимались братья отца?

— Они оказались у истоков создания русского кинематографа во Франции. Русский еврей Александр Каменка открыл киностудию "Бианкур". Здесь снимался известный русский актер Иван Можухин. В качестве операторов братья отца участвовали в съемках фильма "Мать" по произведению М. Горького. Режиссером был Жан Ренуар, сын знаменитого художника Огюста Ренуара. Также Михаил и Семен Фельдманы принимали участие в съемках фильма "Наполеон" (режиссер — знаменитый Абель Ганс). Они были первооткрывателями операторских трюков с наездом камеры. Придумали огромный маятник, на него водрузили камеру с оператором. При очередном качании маятник приближался к актеру, и происходила съемка. Они впервые снимали одновременно тремя камерами, а затем фильм демонстрировался на трех экранах.

— А как складывалась дальше жизнь Вашей семьи?

— Мы с мамой прожили в Париже всего один год, потом вернулись к отцу, в Шанхай. Я поступил во французскую школу, а окончив ее, — в Американский университет. Жизнь для меня в Китае была легкой и веселой. У нас была прислуга, китаянка. Занимался я на факультете журналистики. В университете ежегодно проводили конкурс на лучший рассказ, и в первый же год учебы я за свой рассказ получил первую премию.

— На каком языке Вы общались в Шанхае?

— Дома на русском, в школе — на французском, в университете и в городе — на английском. Шанхай был поделен на зоны — интернациональную и китайскую. Мы жили в интернациональной. Здесь разговаривали по-английски. В 1937 году японцы оккупировали Южный Китай, заняли китайскую часть города. Я неплохо рисовал, и в университете стал изображать японцев в своих шаржах. Узнав об этом, отец очень расстроился. "Я отсидел достаточно, не хочу, чтобы ты повторил мой путь", — сказал он мне. Не зная, как могут дальше развиваться события, родители решили, что мне лучше уехать из Китая. Лучшим вариантом была Америка, так как я занимался в Американском университете. Но за учебу нужно было уплатить 10 тысяч долларов, таких денег у родителей не было. Отец был в дружеских отношениях с австралийским консулом. Тот предложил от-

править меня учиться в Австралию. Вот так и случилось, что не я выбрал Австралию, а она выбрала меня — и я об этом никогда не пожалел.

— Когда Вы приехали в Австралию?

— Шел 1938 год, мне было 19 лет. Первое время было достаточно тоскливо. Впервые один, без родителей, без друзей. Тогда появились и мои первые стихи об этом.

— А на каком языке Вы писали?

— Представьте, на русском.

Дождь за окошком, дождь на тропинке
Дождь на земле, на кустах...
Капли дождя на собачьей спинке,
Капли дождя на цветах.

Гром за окошком, гром за горами,
Громом окутан лес.
Грома раскаты злыми руками
Шарят по полке небес.

Серое небо, серая стужа,
Серый мерцающий свет,
Серая туча, серая лужа,
Серая лента лет.

Грусть в этой серости,
Грусть в этой стуже,
В ржавой шляпке гвоздя.
Грусть в чужом громе,
Грусть в чужой луже,
В каплях чужого дождя.

Дождь за окошком, дождь на тропинке,
На тусклом лунном ковше.
Капли дождя на собачьей спинке,
Слезы дождя на душе.

Любопытно, что в прошлом году в Мельбурне университет Монаша проводил конкурс на лучшую прозу и стихи. Пригласили участвовать

и меня. Я вспомнил об этом стихотворении 1939 года. Только что приехал, ностальгия, одиночество... Именно это стихотворение я отправил на конкурс — и завоевал вторую премию.

— Как складывалась Ваша жизнь здесь, в Австралии?

— Поначалу я, как многие эмигранты, освоил много профессий. Приехав, я хотел продолжить свое образование в университете. К сожалению, в Австралии не признали годы моей учебы в Шанхае. И нужно было начинать с нуля, да к тому же оплатить сразу первые четыре года занятий. Денег у меня не было, и я стал искать работу.

Первая работа была связана со знанием французского. В Австралию приехала группа велосипедистов из Франции, Бельгии, Италии, и меня пригласили быть у них переводчиком. Затем мой новый знакомый, Карл Залапа сказал: "Ты знаешь, из Америки сюда пришла яхта, она совершает кругосветное путешествие. Один из членов команды, чилиец, решил остаться в Сиднее. Почему бы тебе, пока ты свободен и молод, не попутешествовать? Капитан яхты — американец, знает французский. Приди и скажи ему, что ты хочешь заменить сошедшего на берег".

Сейчас я осознаю, какой это было авантюрой. Но, представьте себе, меня приняли в команду. Позже я узнал, что и само путешествие тоже было в некотором роде авантюрой. В Америке снимали фильм по Киплингу "Бравые капитаны". В съемках участвовало несколько яхт, специально закупленных для фильма. После съемок яхты распродали. Мой будущий капитан приобрел одну из них. Жена его — австралийка, и они решили отправиться в кругосветное путешествие с заходом в Австралию. Денег для оплаты команды не было, и супруги собрали команду молодых авантюристов, готовых оплачивать свое содержание.

У меня оставались еще какие-то деньги после приезда, и плата 15 шиллингов в неделю за пребывание на яхте была не столь велика. Так я стал членом команды. Из Сиднея мы отправились вдоль побережья Австралии. Полгода болтались у Большого Барьерного рифа. Однажды на севере Квинсленда мы обнаружили небольшую бухту, ее даже не было на карте. Войдя в нее, мы были поражены открывшейся красотой. Тропический лес, изумительный пляж. И самое удивительное — мы увидели небольшой причал, пришвартованный парходик и людей, грузивших сахарный тростник. Сейчас я не могу объяснить, почему мне вспомнился рассказик, прочитанный еще в Харбине. В нем шла речь об американском миллионере, отправившемся в кругосветное путешествие. Он искал переводчика-полиглота. Среди других пришел один русский и заявил, что он именно

тот, кто нужен. Когда пароход причаливал в очередном порту, мнимый переводчик выходил на палубу и кричал: "Кто здесь русский?". И почти всегда находил соотечественника, знающего местный язык. Он переводил с местного на русский, а находчивый "переводчик" пересказывал своему хозяину по-английски, и все были довольны. Так же поступил и я: вышел на палубу и крикнул: "Кто тут русский?". Представьте себе, один из работающих тут же откликнулся! Так что русские есть везде...

Вскоре выяснилось, что жена капитана беременна. Из Кэрнса капитан отправил ее в Сидней по железной дороге, а мы вернулись туда же морем и бросили якорь в Сиднейской бухте 3 сентября 1939 года.

Для меня возвращение в Сидней оказалось счастливым. Я получил работу журналиста в спортивном отделе газеты "Дейли телеграф". Одновременно, чтобы приобрести специальность, я поступил в авиационный колледж "Кингсфорд Смит". Во время войны я работал слесарем в авиационных мастерских. А потом мне улыбнулась фортуна. Меня познакомили с человеком, который решил выпустить первый в Австралии журнал водного спорта. Он предложил мне участие в этом журнале, и моя рубрика оказалась единственной профессиональной рубрикой. Позже я стал редактором журнала.

— Я знаю, что вся Ваша последующая жизнь связана с издательской деятельностью. Какие журналы вы выпускали?

— В общей сложности это 12 различных журналов. Некоторые издаются и сегодня. К примеру, журнал "Современный мотор", в свое время тираж его достигал 70 тысяч экземпляров. Журналы "Electronic Today International" и "Movie" ("Кино") также выходят и по сей день. Были основаны журналы о природе, рыбной ловле и многие другие. Этому практически я посвятил свою жизнь.

— А чем занималась любящая жена?

— Я была учительницей, — говорит Сандра. — Кроме этого, всю жизнь увлекалась живописью. Когда Юлий ушел в отставку, я закончила арт-колледж. Рисую постоянно. Живопись стала моей второй профессией. А сейчас я решила издать серию детских книг. Одна уже вышла из печати, готовлю вторую. Я сама рисую иллюстрации и готовлю текст. Очень помогает мне Юлий как опытный журналист и редактор.

— Юлий, я знаю, что Вы бывали в России. Расскажите об этом.

— Первый раз я был в СССР в 1968 году. Все свои впечатления я заносил в блокнот. Там была описана краткая история моего отца-революционера и рассказ моего дяди Семена, живущего в Париже, его описание,

как найти семейный дом в Одессе, а также его воспоминания о событиях 1905 года. Это, кстати, любопытно. Когда "Потемкин" вышел на рейд, он стрелял по городу. И надо же такому случиться, что один из снарядов зацепил карниз дома моего прадеда Фельдмана! Дядя Семен, тогда еще мальчик, нашел осколки этого снаряда и всю жизнь возил их с собой. После войны он отправил их в СССР. Получил благодарственное письмо от правительства, в котором сообщалось, что знаменитые осколки размещены в Музее революции. Когда мы приехали в Москву, я пришел в музей, представился, и мне показали стенд. Там на красном бархате лежали осколки. Надпись гласила: "Осколки снаряда броненосца "Потемкин", выпущенного в 1905 г. по г. Одессе и присланные Семеном Фельдманом из Парижа".

— А как Вам удалось разыскать личное дело отца, осужденного за революционную деятельность?

— Во время первого моего визита, в 1968-м, об этом не могло быть и речи. Только два года назад я вновь приехал в Москву и обратился в архив. На мой запрос мне ответили: "Напишите письмо начальнику архивов профессору Мироненко. Его рассмотрят, и вы получите ответ". Время было ограничено, и я пошел другим путем. Вновь отправился в Музей революции — теперь он называется Музей современной истории. Там я встретился с директором музея, рассказал историю отца и объяснил, что хочу ознакомиться с его делом. Директор музея помог мне связаться с архивами на Большой Пироговской, 17, направил к нужным сотрудникам.

На следующий день еду в архив. Огромные старые дома, все запущено, пустые гулкие коридоры, цементные полы. И вот, наконец, я с волнением держу в руках "Дело" моего отца. На титульном листе читаю: "Дело Департамента полиции о Марке Фельдмане № 1655 1906 года, Одесса". Мне разрешили сделать копии с него.

Так замкнулся круг истории моей семьи, связанный с первой русской революцией, с уникальным городом — Одессой, где, как писал Утесов, "в театре люди сидят с клавирами и даже с партитурами. Они следят за всем — за оркестром, за певцами. Их не обманешь".

Еще одна встреча, еще одна судьба. Рассказ о времени, ставшем историей, о нашем соотечественнике, австралийском журналисте, пишущем стихи на русском языке. Юлий Фельдман всегда был активен. И сегодня он продолжает жить полноценной жизнью — путешествует, много читает, любит музыку, пишет "Историю своей семьи". В свободное время перево-

дит стихи Маяковского, Пастернака, Евтушенко. Особенно любит Бориса Пастернака. На мой вопрос "почему?" Юлий ответил: "Это имя знакомо мне с детства. Моя бабушка по материнской линии, Елизавета Марковна Пастернак, была кузиной Бориса Пастернака". В последний свой приезд в Россию Юлий с Сандрой посетили вдову сына поэта, Леонида, в Переделкино.

Юлий никогда не жил в Одессе. Но существует генетическая связь с прошлым, откуда прорастают наши корни. Несколько поколений Фельдманов родились и выросли на берегу Черного моря, в городе, столь известном во всем мире своими культурными традициями. В городе, где всегда жили Вера, Надежда, Любовь. Вера в будущее, Надежда на лучшее и Любовь к таланту. Эти традиции мой герой пронес через всю жизнь.

Мельбурн

